

лый наблюдает за ребенком со стороны. То, что герой представляет верхом несправедливости, иным образом оценивается повествователем. В нем сформированы представления о личности, о межличностных отношениях, которые больше сословных отношений, в то время как Николенька только сталкивается с проблемой видения его «другими».

Анализируя данный текст, нужно отметить, что Толстой стремился показать процесс формирования личности как постепенный и последовательный. Николенька прощается с деревней, с матерью, приезжает в город, сталкивается с новым для себя миром, а повествователь наблюдает за тем, как герой открывает не столько окружающий мир, сколько самого себя. Поэтому главное для него – соответствовать новому миру, а это значит – казаться взрослым. Это наглядно изобразил Л.Н. Толстой в XX главе «Собираются гости».

У Л.Н. Толстого на происходящие события смотрит и взрослый Иртеньев. Отсюда главная мысль писателя о детстве как о мире гармонии и любви значительно осложняется, так как Николенька представлен неким правдоискателем, рассматривающим свои поступки с рациональной точки зрения. Иртеньев постепенно открывает для себя не только «среду» взрослых, но прежде всего своё первородное «я», которое постоянно искажается в подражании и притворстве и снова и снова утверждает себя в столь же постоянном самоанализе.

Таким образом, писатель старается не просто предложить читателю портрет того или иного героя, а его внутренний мир, который раскрывается автором через поступки, высказывания и действия. Так, прозаик с помощью такого приёма, как самонаблюдение, демонстрирует читателю душевные переживания Николеньки Иртеньева, добивается максимально объёмной характеристики персонажа. Душевные метания и внутренние монологи главного героя – всё это те инструменты, при помощи которых автору и удаётся передать многоплавность художественных образов в данной повести.

КОНЦЕПЦИЯ СЛУЖЕНИЯ ПРОТОИРЕЯ НИКОЛАЯ АФАНАСЬЕВА И ПАВЛА ЕВДОКИМОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. Щепалина

4 курс, филологический факультет

Научный руководитель – проф. Г.Ю. Карпенко

Идея служения, являясь одной из устойчивых характеристик человека, не только актуальна на данный момент, но и носит фундаментальный характер для всей русской духовной культуры. Цель данного исследования – рассмотреть сложный комплекс «служение» в русской литературе (на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») и в богословских работах.

Проблема служения не чужда русской литературе, скорее даже наоборот, соприродна ей. Древнерусская литература целиком и полностью служила Слову-Логосу, была теоцентрична. Процесс обмирщения литературы, начавшийся в петровский период, должен был привести к лишению Слова «мистического ореола, превратить его в слово человеческое, подлежащее проверке и критике» [5].

Также в XVIII веке, в связи с секуляризацией жизни и культуры наметилось разделение и в понимании идеи служения, сформировались оппозиции:

Церковь / мир: государство, светское общество;
духовное служение – служение в Церкви / светское служение – государственная служба (военная и гражданская).

В произведениях литературы акцент с духовного служения смещается на государственное. Кредо дворянина четко сформулировано в речах Стародума: «Есть люди, которым помогать, есть отечество, которому служить».

На самом деле, оппозиции, наметившиеся в понимании служения условны, и русскую классическую литературу никогда не переставали волновать духовные поиски, духовное служение личности.

Понять русскую классику именно в таком ключе может помочь русская богословская мысль XX века. Религиозные мыслители русского зарубежья Павел Евдокимов и протоиерей Николай Афанасьев формируют в своих работах «Этапы духовной жизни» [3] и «Церковь Духа Святого» [1] онтологию служения, отвечают на сущностные вопросы: кто служит и в какой мере? Оба богослова отказываются от категоричного разделения священников и мирян как представителей «сакрального» и «профанного», считая, что служат и те, и другие, только само служение облекается в таком случае в разные формы.

Николай Афанасьев и Павел Евдокимов придерживаются восточной (православной) модели служения, и этот подход оказывается для богословов принципиальным, отличным от западной (католической) модели служения. Основные различия двух способов служения лежат в области Богослужения и служения мирян.

Западная модель. Фигура папы Римского, вообще пастора резко вышашается над средой молящихся в церкви. Внутренняя иерархия не устраняется даже во время мессы (миряне как бы предстоят священнику во время молитвы, так как последний обращен лицом не к алтарю, а к народу). Мирянин в католичестве – существо секуляризованное. Их дело — не Литургия, ни даже причастие Святых Тайн, не сами таинства, но непосредственное участие в жизни общества, с которым миряне связаны больше [6].

Восточная модель. Другое представление о служении клира и мира у Афанасьева и Евдокимова. Говоря о цельности Церкви, как о едином собрании священников и мирян, имеющих свои формы служения, богосло-

вы указывают, что эти формы исходят и приходят к одному источнику, к Христу и Его Церкви. В католической же модели очевиден разрыв между Церковью и миром, более того, он утверждается самой Церковью: мирянин должен чувствовать эту грань, так как он служит именно в миру.

Тогда ставится под сомнение основная антиномия христианства, которая заключается в том, что христианин, как и Христос «не от мира сего», но при этом, он служит в мире и послан в него на проповедь. Мир – это источник соблазнов и искушений, поэтому, пребывая в мире, христианин не отдается ему полностью, не видит в мире своей основной формы бытия. Мирянин, в первую очередь, «член Церкви Христовой», который призван «за стенами храма продолжать литургию Церкви» в своей жизни [4].

Ярким примером воплощения двух разных моделей служения стал роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Монастырь и мир в романе не противопоставлены, они работают в одном направлении, радуют о спасении душ ближних и вместе составляют мир Божий. Именно поэтому старец Зосима посылает Алешу в мир, где царит грех и страдание, где Слово Божие нужнее всего. Алеша становится новым апостолом Любви, идущим в мир, но не затем, чтобы слиться с миром как источником соблазнов, а чтобы через свое служение, делание Преобразить мир. Чтобы мир, это скопище людское, воплощение всего земного, посредством благодати обрел мир Христов: Мир => Мир.

Идеал православного служения в романе воплощает старец Зосима. Именно Зосима отражает в произведении, свойственный для православной аскетики XIX века, феномен старчества.

Антиподами Зосимы и Алеши, представителей православного типа служения, в романе выступает Инквизитор и Иван, близкие западной модели. Иван воплощает своеобразный тип католической души, рационального богословия. Бытие Бога он рассматривает как гносеологическую проблему, и в душе Ивана рождается явный диссонанс: ум у него не может спуститься в сердце. Философию Ивана можно назвать «атеистическим аморализмом» [2], которая явно близка идеям Ф. Ницше. Особенно ярко это проявляется в «Легенде о Великом инквизиторе», где Иван меняет традиционную ценностную структуру мира: на вершине оказывается не Бог (Он уже не нужен), а человеческая гордыня, «человекобог», которому «все позволено». Инквизитор – это гипертрофированный образ папы Римского. Стоит ли напоминать, что Достоевский видел именно в католичестве первую ересь, разрушившую единство Апостольской Церкви. Причина тому – гордыня папы. Отношения инквизитора и папства основаны не на свободном послушании по любви, как у Зосимы и Алеши, а на безволии папства, на власти, авторитете и чуде. Ни Иван, ни плод его фантазии, Инквизитор, не принимают Любовь Божью, поцелуй Христа пока не находит отклик.

Таким образом, становится очевидным присутствие в романе «Братья Карамазовы» двух моделей служения, преподанных в однозначном

свете: православное со знаком «плюс», католическое со знаком «минус». Но все-таки остается вопрос, почему Достоевский готовит Алеше судьбу мирянина? По форме служения этот вариант близок к католическому: мирянину – мир, монаху — монастырь. Но только по форме, ведь Достоевский не разделяет этих оппозиций, и монастырь, и мир принадлежат к миру Божьему. И Алеша, не порывая живой связи с Церковью, идет в мир, чтобы он стал миром.

Библиографический список

1. Афанасьев Н., прот. Церковь Духа Святого. Киев: «Центр православной книги», 2005. 480 с.
2. Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html> (дата обращения: 3.05.2014).
3. Евдокимов П.Н. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней. Ч. 3. Г. 5. Всеобщее священство мирян в восточной традиции. URL: <http://favor2.chat.ru/bogosl35evd.htm> (дата обращения: 3.05.2014).
4. Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Труды по знаковым системам. Т. 24. Культура: Текст: Нарратив. Тарту, 1992. С. 58.
5. Шрейдер Ю.А. Декрет «Об апостольстве мирян». М.: «Колледж католической теологии им. св. Ф.Аквинского» // nyulia.files.wordpress.com/2010/06...d18fd0bd1.doc (дата обращения: 3.05.2014).

СУДЬБЫ СТАРОГО И НОВОГО ИСКУССТВА В ЗЕРКАЛЕ ДНЕВНИКА К.И. ЧУКОВСКОГО 1910-Х ГОДОВ

А. Кубайдулова

5 курс, филологический факультет

Научный руководитель – **проф. С.А. Голубков**

Чуковский по роду своей деятельности имел возможность наблюдать вблизи литературную жизнь с её ежедневной будничной стороны, мало доступной широкой публике. Именно поэтому дневник К.И. Чуковского интересен нам как историко-литературный документ: он воспроизводит важнейшие моменты из жизни не только самого Чуковского, но и многих писателей и поэтов, художников и литературных критиков, журналистов и издателей, но что само важное – это дневник с отсылкой к широкому контексту эпохи. Дневник свой К.И. Чуковский вёл с 1901 г. по 1969 г., т.е. без малого 70 лет. Пройдя через все революции и войны, выпавшие на долю России в XX веке, Чуковский пережил несколько литературных эпох, и в каждой из них его талант раскрывал новые грани. В данной статье мне бы хотелось рассмотреть переломные 1910-е гг., а точнее – проследить, как на страницах дневника Чуковского этих лет отражена судьба искусства.